

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Д. В. ТИМОФЕЕВ

ПОНЯТИЯ «ПРОСВЕЩЕНИЕ» И «РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛЕКСИКОНЕ ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

В статье анализируется система значений и взаимосвязь понятий «просвещение» и «революция» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX в. На основе анализа различных проектов, записок, научно-популярных работ и материалов периодической печати, определены позитивные и негативные ожидания образованной части российского общества в отношении возможных последствий «просвещения» и «революции» для модернизации российской экономики, решения крепостной проблемы, повышения эффективности системы государственного управления.

Ключевые слова: *история понятий, просвещение, революция, европейские идеи и общественно-политическая мысль России первой четверти XIX в.*

В современной историографии внимание исследователей привлекают субъективные и коллективные представления, стереотипы и мифологемы, формировавшие мировосприятие человека в прошлом, его отношение к различным процессам и явлениям окружающего мира. Интерес к данной проблематике актуализировал необходимость выработки методов работы с текстом источника, которые позволили бы корректно, не разрушая авторской логики, выявить систему представлений, ассоциативных связей, надежд или опасений, имевшихся в сознании людей изучаемого времени. Основой для поиска новых методов может стать признание тесной взаимосвязи общественного сознания с языковой практикой как в устной, так и в письменной форме. Ориентиром для подобного рода исследований служит немецкая школа «истории понятий» (Begriffsgeschichte), одним из основоположников которой был Р. Козеллек¹ и его коллеги по написанию многотомного труда «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии», а также несколько иной, но методо-

¹ См.: Козеллек. 2004. С. 97–130; Козеллек. 2006. С. 33–53; Козеллек. 2010. С. 21–33; и др.

логически близкий немецкому, англосаксонский вариант “History of Concepts”, сформулированный в работах К. Скиннера и Дж. Покока².

Данный подход, на мой взгляд, позволит более адекватно исследовать процессы освоения различных политических идеологий без механического причисления одних авторов к «либералам», «консерваторам», «реакционерам» и т.п. Изучение истории общественно-политической мысли в тесной взаимосвязи с историей понятий поможет определить различные течения и полутона во всегда подвижной системе социально-политических представлений как отдельной личности, так и определенной социальной группы в целом.

В первой четверти XIX в. важнейшими элементами социально-политического лексикона образованного российского подданного, наряду с понятиями «государство», «закон», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «собственность», «свобода» и «рабство», были концепты «просвещение» и «революция».

К началу XIX в. понятие «просвещение» было хорошо известно российской читающей публике и достаточно широко употреблялось не только в официальных документах или научно-популярных трактатах, но и на страницах периодической печати, в учебных пособиях и мемуарах. Одна из устойчивых коннотаций понятия «просвещение» была связана с христианским толкованием близкого по звучанию слова «свет», которое понималось как обладание истинной христианской верой, «очищающей» и «побеждающей» все человеческие пороки. Желание познать Бога, в данном контексте, отождествлялось со стремлением к «просвещению», которое не могло считаться «истинным» и полезным человеку без «христианской любви» к ближнему. Отсутствие морально-нравственной, духовной составляющей в процессе воспитания личности делало «просвещение» бессмысленным или даже вредным³. С этого времени «просвещение», как процесс распространения христианской веры и «деятельного христианства», было объявлено достойной целью учебных заведений.

Устойчивое употребление понятия «просвещение» для обозначения процесса обучения и конечной цели функционирования системы образования сосуществовало с более широкой по смыслу трактовкой⁴.

² См. подробнее о сходстве и отличии этих двух направлений: *Дмитриев*. 2004. С. 6–16; *Копосов*. 2006. С. 9–32; *Роцин*. 2009. С. 43–58; *Живов*. 2009. С. 5–26; *История понятий, история дискурса, история менталитета*. 2010.

³ См.: Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом... С. 126, 137.

⁴ См. об этом подробнее: *Тимофеев*. 2009. С. 12–20; *Тимофеев*. 2010. С. 21–48.

Содержательно «просвещение» было близко по значению словам «добродетель», «мораль», «благонравие», «человеколюбие» и т.п. Предполагалось, что человек, который способствует «просвещению», обязательно должен быть глубоко нравственным. В таком контексте «истинное просвещение» противопоставлялось поверхностному знанию, увлечению модными теориями и учениями. Негативные оценки полученного таким образом «просвещения» можно найти в записке «О союзе благоденствия и других тайных обществах», составленной в 1821 г. Неизвестный автор, критикуя позиции членов общества, писал: «Для прикрытия сколько-нибудь своего невежества бросились они к изучению политических наук и стали посещать часто преподаваемые курсы, где поверхностно ослепляли их блеском выражений и глушили громкими, но пустыми словами... от чего и все их просвещение было мишурное»⁵. Существование такого рода оценок позволяет предположить, что в некоторых случаях «просвещение» отождествлялось с умением реалистично анализировать любые процессы и явления, не поддаваясь искушению простого объяснения сложных общественных процессов. В данном контексте «просвещение» было синонимом достоверного, истинного знания, которое есть результат синтеза веры и разума.

Еще одна грань системы значений понятия «просвещение» открывается при анализе представлений российских подданных конца XVIII – начала XIX в. о качествах «просвещенного» и «непросвещенного человека». Ярче всего такого рода представления проявлялись в конкретных житейских ситуациях и могли быть отражены, например, в материалах следствия по различным гражданским и уголовным делам, где прилагательное «просвещенный» употреблялось для характеристики участников судебного процесса. В данном контексте достаточно информативным может быть комплекс документов «по делу коллежской ассессорши Розлачевой, продавшей свою родную дочь вместо крепостной девки». Объясняя свой поступок, Розлачева обвинила дочь в «распутном поведении». Однако проведенный в ходе следствия опрос родственников и соседей, позволил сделать вывод о том, «...что дочь Розлачеву никто по городу... не винит в распутстве, а считают более несчастною и гонимую от матери; впрочем хотя она в разсудке проста и похожа на самую невоспитанную поселянку, однакож не есть полоумная, каковою ее мать назвала, да и непросвещение ея причиною более полагают худое воспитание, данное ей от родителей»⁶. В приведенной

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи... С. 874.

выше цитате отражены те признаки, которые были для современников свидетельством отсутствия у человека качеств «просвещенной» личности: непросвещенный человек обладает «простотой рассудка», похож на «невоспитанного поселянина», т.е. он не умеет преподнести себя в обществе и красиво излагать свои мысли. Все эти умения и навыки «просвещенного» человека должны были «даваться родителями» и, по всей видимости, составить основу для повышения уровня «просвещения» в процессе обучения в различных учебных заведениях.

Таким образом, в отношении отдельного индивида понятие «просвещение» отождествлялось с верой в Бога, христианской любовью к ближнему, высокой нравственностью, образованием и начитанностью, умением выражать свои мысли и вести себя в обществе, быть полезным Отечеству и оказывать посильную помощь нуждающимся согражданам.

Смысловое значение понятия «просвещение», используемое для характеристики общества в целом также включало в себя комплекс признаков. Словосочетания «просвещенное общество» и «просвещенный человек» предполагали развитость системы образования и науки, распространение нравственности и религии, высокий уровень промышленного и сельскохозяйственного производства. Определение «просвещения» как комплекса признаков, характеризующих развитие общества в различных сферах, можно найти в работе К. Германа «Всеобщая теория статистики»: «...каждый народ имеет... образованность и просвещение, под коим разумеем мы не только те, кои приобретаются ученым или школьным воспитанием, но вообще всякого рода образованность, относящуюся к промышленности, ко нравам, к религии и к учености»⁷.

Указанная взаимосвязь с нравами, обычаями, религиозными верованиями и другими проявлениями своеобразия «народного духа», способствовала пониманию того, что «просвещение» – явление историческое. «Степень просвещения» общества рассматривалась как величина непостоянная, изменявшаяся в зависимости от целого ряда внешнеполитических факторов (войны, революции и т.п.), а также уровня материального благосостояния граждан и «нравственного состояния народа»⁸. Нередко все указанные выше факторы сводились к взаимозависимости «просвещения» и «нравов» в широком смысле этого слова.

Бесспорным считалось утверждение о влиянии «просвещения» на формирование «нравов». Так, И. Д. Ертов, аргументируя высказывание

⁷ Герман. 1809. С. 59.

⁸ См.: Каразин. С. 277; Система твердой земли или континентальная... С. 221; Об Англии и англичанах. С. 238–243.

о способности «просвещения» исчезать и возрождаться, усиливаться и ослабевать, писал: «Кто не восхищался блеском Просвещения, который озарял ныне едва ли не померкающую Европу? <...> Франция и теперь довольно склонилась к падению; и почему знать, долго ли просвещеннейшая из всех наций, Великобритания будет возбуждать собою удивление народов?»⁹. Актуальные политические события оценивались автором как свидетельство «падения нравов» в Европе и проявление нестабильности процесса «просвещения» в целом.

Логическим продолжением тезиса об историчности «просвещения» было признание неравномерности его распространения в разных странах мира, причиной которого объявлялись все та же зависимость от нравов и обычаев. Однако, несмотря на признание «естественных» отличий разных стран, «просвещение» представлялось как некая «общая для всех потребность», отражавшая «дух времени», стремление к совершенствованию и прогрессивному развитию общества¹⁰. В этой связи показательно, на мой взгляд, что даже в сочинениях на исторические темы российский читатель мог найти утверждения о том, что «Просвещение должно когда-нибудь обойти все страны света и возвысить природу человеческую»¹¹. В такой трактовке понятие «просвещение» обозначало уже не просто развитие «нравов», системы образования, науки или искусства, а было многозначным термином, употреблявшимся современниками для описания перспектив социально-политического и экономического развития страны.

В рамках экономического дискурса «просвещение» признавалось, одновременно, причиной и следствием развития промышленного производства, земледелия и торговли. Благотворное действие «просвещения» объяснялось тем, что оно формировало способность человека к предпринимательской деятельности, умение самостоятельно принимать важные решения, а следовательно, повышало бы экономическую активность «граждан» и обеспечило бы быстрый рост российской экономики в целом. М. Балудянский (Балугьянский) в статье «О разделении и обороте богатства» писал об этом так: «Правосудие, покровительство и свобода промышленности, купно с просвещением граждан и распространением торга, суть единственные действительные средства к обогащению нации»¹². Нередко такая трактовка присутствовала на страни-

⁹ *Ертов*. 1799. С. 19, 22.

¹⁰ Чего требует дух времени? Чего желают народы? С. 8.

¹¹ Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. С. 356.

¹² *Балудянский*. 1808. С. 76.

цах российских журналов в форме утверждения о том, что «предприимчивость возникает через просвещение»¹³.

Все подобные публикации отражали существовавшие в первой четверти XIX в. позитивные экономические ожидания. Однако проведенный сравнительно-контекстуальный анализ источников позволяет утверждать, что в большинстве случаев о позитивном влиянии «просвещения» на российскую экономику современники говорили лишь как о потенциальной возможности, реализуемой только при широком «просвещении народа». О «просвещении народа», как необходимом условии развития сельского хозяйства и промышленности, писал К. Арсеньев: «...успехов по части земледелия можно ожидать в России только тогда, когда... просвещение распространится и в нижних классах народа...»¹⁴. Распространение «просвещения», понимаемого как совокупность знаний о новейших способах ведения хозяйства и умений применять их на практике, рассматривалась в качестве важнейшей задачи правительства, которое, наряду с созданием училищ, гимназий, институтов и университетов, должно было способствовать сближению науки и производства.

Несколько иное соотношение «надежд и тревог» в сознании представителей образованной части российского общества, размышлявших о перспективах и возможных последствиях «просвещения» в России, заметно в текстах на политические темы. Сравнительно-контекстуальный анализ позволил выявить в них целый ряд позитивных ожиданий. Прежде всего, «просвещение» рассматривалось в качестве действенного инструмента снижения числа и тяжести совершаемых в стране преступлений. Следуя этой логике, Н. М. Карамзин на страницах «Вестника Европы» выражал уверенность в том, что «успехи просвещения должны более и более удалять государство от кровопролития, а людей от раздоров и преступлений»¹⁵. Нередко подобного рода утверждения звучали в публичных собраниях и сопровождались обращением к тексту «Наказа Екатерины II уложенной комиссии», в котором императрица прямо указывала: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми»¹⁶.

В более широком социально-политическом контексте «просвещение» называлось главным условием достижения «общего блага», нередко отождествляемого с принципами верховенства закона, гарантией не-

¹³ О народном благосостоянии от заграничной торговли... С. 48.

¹⁴ Арсеньев. 1818. С. 35.

¹⁵ Карамзин. 1803. С. 322.

¹⁶ См.: Речь, говоренная в канцелярии I отделения... С. 42.

прикосновенности частной собственности и безопасности личности. С этих позиций «недостаток в просвещении», по мнению современников, «...мешает всякому действию благодетельных намерений Правительства, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и – одним словом – не позволяет... наслаждаться внутренним, общим благоденствием...»¹⁷. Сформулированная таким образом взаимосвязь «просвещения» и перспективы установления «общего благоденствия», доказывала современникам необходимость всеми возможными средствами способствовать распространению «просвещения». Именно поэтому понятие «просвещение» обязательно использовалось в формулировках целей и задач различных «тайных», «вольных» и «официозных» обществ.

Сравним устав «Союза благоденствия» и материалы следствия по делу Петрозаводского общества «Французский парламент». В первом документе главной целью тайного общества объявлялось «распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения»¹⁸, а во втором – подчеркивалось, что члены общества «Французский парламент» играли в политику, устраивая «недозвоительные» театрализованные заседания, «...под видом распространения нравственности и просвещения»¹⁹. Важно, что и в том, и в другом случае, члены тайных обществ субъективно воспринимали «просвещение» в качестве инструмента достижения «общего блага».

Однако признание «просвещения» одним из основных двигателей общественного развития не означало, что данное понятие для современников было абстрактным и никак не связанным с решением насущных социально-политических проблем. Напротив, «просвещение» являлось одним из ключевых понятий, использовавшихся при попытках выработать решение двух наиболее актуальных в начале XIX в. проблем – ликвидации «рабства» крестьян в России и повышения эффективности функционирования системы государственного управления.

Решение проблемы «рабства» в России было неразрывно связано с уровнем «просвещения» как помещиков, так и крестьян. На существование такой взаимосвязи в письме из Геттингена от 30 октября 1810 г. указывал Н. И. Тургенев. По его словам, для решения крепостного вопроса «надобно просвещение» и «...следственно судьба *рабства* тесно соединена с судьбою *просвещения* дворян, которым должно вбить в го-

¹⁷ О новом образовании народного просвещения в России. С. 50.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7 об. – 8.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 58. Л. 1 об.

лову благородные, человеческие понятия, собственную их пользу надобно им показать, убедить их в истине и справедливости человеколюбия...»²⁰. Нежелание помещиков освобождать крепостных объяснялось неоднородностью «благородного сословия» и наличием соответствующей ей дифференциации «степени просвещения» российских дворян. Подтверждением данного тезиса служили многочисленные случаи жестокого обращения провинциальных помещиков с подвластными им крестьянами. И хотя, чаще всего, подобные факты сопровождалась оговорками о бедности или «душевном расстройстве» конкретного помещика и оценивались лишь как исключение из общего правила, эффективным средством решения крепостной проблемы современники называли «просвещение» мелкопоместных дворян. Яркой иллюстрацией благотворного воздействия «просвещения» на характер взаимоотношений помещиков и крестьян была статья с характерным заголовком «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», в которой неизвестный автор убеждал читателей в том, что «просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная»²¹. По его мнению, «просвещенный дворянин» – это человек не только образованный, но и осознавший свою особую социальную роль, обладающий чувством социальной ответственности за жизнь и благосостояние подвластных ему крестьян.

Одновременно с признанием важности «просвещения» дворянства, главным условием упразднения «рабства» в России провозглашалось «просвещение» крестьян. В противном случае «невежественное» крестьянство представляло угрозу общественному спокойствию, даже когда правительство проводило бы политику, направленную на постепенное смягчение «рабства» и последующее освобождение крепостных. В данном контексте показательно обоснование отсрочки издания указа о запрете продажи людей без земли, прозвучавшее на заседании Государственного Совета 6 мая 1801 г. Некоторые члены Совета считали, что крестьяне «...от непросвещения своего прямую цель ея не поймут и от своего невежества ее обратить могут к смыслу уменьшения законной власти над ними помещиков»²². Таким образом, понимание важности «просвещения» и признание неравномерности его распространения в российском обществе было одним из аргументов для отсрочки реализации серьезных социальных преобразований.

²⁰ Архив Братьев Тургеневых. Т. 1. С. 280.

²¹ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 321–322.

²² Архив Государственного Совета. Т. 3. С. 766.

Как бесспорно необходимое условие проведения преобразований «просвещение» рассматривалось и в процессе поиска подходов к решению проблемы повышения эффективности системы государственного управления. Чаще всего, первым шагом считалось развитие системы «народного просвещения», способной удовлетворить потребность правительства в высококвалифицированных государственных служащих. Нацеленность системы образования на подготовку кадрового резерва для управленческих структур и судов различного уровня была провозглашена в университетских уставах, а также указах по созданию как государственных, так и частных училищ. Аналогичная установка присутствовала и в «частных» проектах, авторы которых недвусмысленно предупреждали императора о том, что позитивных результатов от любых преобразований «...тогда только ожидать можно, когда места наполнятся людьми честными и просвещенными»²³.

Еще одним способом повышения эффективности системы государственного управления, тесно связанным с необходимостью «просвещения народа», современники называли создание выборных органов сословного представительства, которые, не ограничивая полномочий самодержавной власти, помогали бы императору совершенствовать российское законодательство. Во всех проектах учреждения подобных структур Н. Н. Новосильцева, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. Р. Воронцова и др. авторов упоминалось о целесообразности привлечения к обсуждению законопроектов представителей «просвещенного сословия». Такой идеальный образ «просвещенного гражданина», участвующего в управлении своим краем, совпадал с указанием в речи Александра I на закрытии Польского Сейма в апреле 1818 г. на то, что народные представители должны быть «гражданами просвещенными»²⁴.

Не менее пристальное внимание к уровню «просвещения» людей, допускаемых к участию в законотворческом процессе, было характерно и для членов радикально настроенных тайных обществ. Так, например, П. И. Пестель, размышляя о принципах организации системы народного представительства после свержения самодержавия, писал: «Выборы... будут падать на самых достойнейших и просвещеннейших мужей. Дворяне и богатые будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, есть ли будут просвещеннее прочих; но таковой выбор, основанный на общем доверии, не есть политическое право для лица, а есть общая выгода

²³ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. XXIII. Л. 5.

²⁴ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии сейма Царства Польского... С. 563.

для всего государства»²⁵. Таким образом, и в правительственных кругах, и в среде оппозиционно настроенного офицерства, идея сословного представительства была тесно связана с концептом «просвещение», выражавшего позитивные ожидания преобразований в политической сфере.

Однако, как и в случае с обсуждением возможных вариантов решения крепостной проблемы, размышления о перспективах развития политической системы Российской империи, сопровождались негативной оценкой «степени просвещения» российских подданных. Признавая необходимость создания эффективного механизма помощи монарху, современники нередко с сожалением констатировали неподготовленность российского общества к реализации на практике принципа сословного представительства. Основанием для таких оценок был пример Европы, где парламенты опирались на поддержку широких слоев населения. Сравнивая уровень «просвещенности» населения в России и ряде европейских государств, Д. П. Трошинский, например, подчеркивал, что «Английский парламент ничего бы сам по себе не значил, если бы не был поддерживаем многочисленным и *просвещенным* средним чином...». В России же, по его словам, «...находится много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена, и просвещение ее не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств»²⁶. В этих условиях, по мнению автора, реализация принципа сословного представительства возможна в перспективе, но только после распространения «просвещения народа».

Признавая «просвещение» важнейшим инструментом решения актуальных социально-политических проблем, представители образованной части российского общества достаточно часто задавали вопросы о том, каким образом можно повысить уровень «просвещения» российских подданных, и в какой степени следовало ориентироваться на опыт развитых стран Европы. Особую актуальность эти вопросы приобрели после Французской революции и Отечественной войны 1812 г., так как эти события показали, что сложившиеся ранее представления о европейских странах как «источнике истинного просвещения» были во многом идеализированы и не всегда соответствовали реальности. С этого времени в текстах российских авторов все чаще поднимался вопрос об опасности «слепого» заимствования европейских идей. Предостережения от возможных негативных последствий «подражательства» выражались в форме опасений получить не «истинное», а «ложное просве-

²⁵ Цит. по: Бокова. 2008. С. 221.

²⁶ Записка Д. П. Трошинского о министерствах. С. 48.

щение». Яркой иллюстрацией возможности «лжепросвещения» для современников был факт распространения в Европе революционных настроений, проникновение которых в Россию могло привести к непредсказуемым последствиям. В 1801 г. неизвестный автор писал: «Когда зараза имела пагубные следствия в народах изобилующих просвещением, ... сколь еще более того опасаться можно в земле... крайне обширной и весьма отдаленной от просвещения почти первоначального... так, что не найдется одного просвещенного на тысячу»²⁷.

Формирование негативного контекста слова «просвещение» и, как следствие, появление антонима «лжепросвещение», особенно заметно с началом Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. На страницах российских журналов появляется множество критических статей, авторы которых призывали различать «истинное просвещение» от моды на французский язык и увлечения различными философскими учениями²⁸. В общем виде, подобного рода публикации формировали представления о том, что «истинное просвещение» может быть только результатом «собственного размышления», а не бездумного следования зарубежным образцам. В статье «О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле» российский читатель мог найти рассуждения о необходимости «...снискать просвещение собственными размышлениями, а не раболепным подражанием примеру других»²⁹. Аргументируя свою позицию, неизвестный автор утверждал: «Кто не достиг просвещения заключениями собственными, тот не дерзай называть себя просвещенным»³⁰. Оптимальным алгоритмом заимствования, по его мнению, должно было быть следующее правило: «Просвещая себя, сверх собственных, чужими источниками, не должно употреблять одного из них исключительно, но надлежит познавать и исследовать все, что может быть полезно и поучительно; принимать же по исследовании одне общия истины и все то, что не вредно сохранению национального характера»³¹. Одним из важнейших критериев определения «истинности просвещения» называлось его согласованность с нормами христианской морали, обычаями и традициями, исторически сложившимися нормами внутри- и межсловных взаимодействий.

²⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI. Л. 32.

²⁸ См., например: Глас русского. С. 45; *Ермолов*. 1813. С. 60–62.

²⁹ О всеобщей монархии... С. 280.

³⁰ Там же. С. 279.

³¹ Там же. С. 280.

Таким образом, в первой четверти XIX в. сформировалось представление о том, что «истинное просвещение» не исчерпывается заимствованием достижений европейской культуры и науки, напротив, его главная основа – православная вера, традиционная для российских подданных взаимная забота, честность и нравственность. На этом фоне Европа выступала, одновременно, и ориентиром для дальнейшего развития, и потенциальным источником «лжепросвещения».

Подобная двойственность в отношении к «просвещенной Европе» была обусловлена настороженным отношением к «революции», которая воспринималась в начале XIX в., прежде всего, как «нравственно-политическое явление»³², тесно связанное с распространением «лжепросвещения». С этих позиций главной причиной «революции» называли «падение нравов» и увлечение «ложными» политическими идеалами. Содержательно «нравственные причины революции», по мнению современников, выражались в поисках гражданами «несбыточного счастья», необоснованной критике властей, а также социальной вражде, вызванной непониманием взаимосвязи и функционального назначения различных сословий³³. Так, например, размышляя о целях агрессивной политики Франции, неизвестный автор объяснял российским читателям причины «революции» следующим образом: «В начале революции народ Французский искал щастия, руководствуясь каким-то темным чувством: Правительство казалось ему тиранским, дворянство высокомерным и притеснительным, и хотя дворяне и купцы со своей стороны также роптали, но другия состояния признавали первых излишними в государстве, а вторых своекорыстными откупщиками...»³⁴.

Все подобные проявления «человеческой страсти» были полной противоположностью «истинного просвещения», а следовательно, в морально-нравственном смысле «революция» не могла иметь положительных результатов. На страницах российских журналов неоднократно подчеркивалось, что «Европа после революции не только не приобрела никакого просвещения и успеха в нравственности, но едва не погрузилась в прежнее варварство...»³⁵, а поколение людей, «воспитанных во время и после революции... не имеет никаких понятий, кроме зверских правил, распространенных революцією»³⁶. Именно негативным влия-

³² См.: Обзорение политических происшествий Европы... С. 57.

³³ См.: Размышление русского патриота... С. 149.

³⁴ Иступление французской политики в 19 веке. С. 34.

³⁵ Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени. С. 226.

³⁶ Положения и надежды Европы. С. 191.

нием «революции» на сознание человека многие российские авторы объясняли «варварские» действия французских солдат на оккупированных ими в 1812 г. российских территориях.

Неотъемлемой частью образа французской «революции» на страницах российской периодической печати, было утверждение, что она не только не достигла своих первоначальных целей, но и обманула надежды граждан: вместо «свободы», верховенства «закона» и неприкосновенности «собственности», «Франция... со временем постыдной своей революции соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов»³⁷. Главными «средствами революционных героев» объявлялось «возмущение народа против законной власти, грабеж всякого имущества, нарушение всех прав народных и человеческих»³⁸.

В общем виде, проведенный сравнительный анализ текстов, авторы которых писали о «революции» позволил выявить два ряда синонимов и образных выражений с однозначно негативной эмоциональной окраской. Первый ряд представлен образными выражениями, описывавшими «революцию», посредством сравнения с различными природными явлениями и хищными существами, как неуправляемый человеком процесс. В этом ряду, чаще других, употреблялись словосочетания: «ужасная революционная буря», «бурный дух», «пламя революции», «ужасная гидра революции»; «свирепое чудовище, изливавшее яд свой на всю Европу»³⁹. Второй ряд представлен словами и словосочетаниями, подчеркивавшими чрезвычайную и неоправданную жестокость революции, такими как: «ужасное кровопролитие», «кровавый путь», «кровавые волны», «революционные неистовства», «мучения», «злодеяния», «несчастье», «насилие», «тиранство», «война революционная», «времена ужаса»; «ужасы, произведенные адским духом революции», «мятеж». Наличие в текстах такого рода выражений позволяет предположить, что в сознании российских читателей могло быть сформировано представление о «революции», как деструктивном, чрезвычайно опасном и непредсказуемом по своим результатам процессе.

Все эти признаки «революции» были зафиксированы в толковом словаре Н. Яновского: «Революция – внезапная перемена в правлении

³⁷ О политических обманах Франции. С. 69.

³⁸ Французская революция. С. 40.

³⁹ См., например: Объявления от Людовика XVIII французам С. 3–21; Письмо к друзьям о Бонапарте... С. 224; Обзорение политических происшествий Европы... № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 104, 111–112; Извлечение из письма в Казань... С. 324.

какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»⁴⁰. Для современников было очевидно, что такие изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло делать предположения, что результаты «революции» не конечны, а её «достижения» могут быть сведены к минимуму, или даже уничтожены её противниками в исторически обозримом будущем. В данном контексте неслучайно появление специального термина «контр-революция», который использовался для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении⁴¹. Романтизация «революции», формирование её положительного образа в сознании оппозиционно настроенной части российского общества произошло только с 1840-х гг.⁴²

В общем виде, в сознании образованной части российского общества первой четверти XIX в. сформировалась двойственное отношение к «революции». С одной стороны, она оценивалась как безусловное «зло» и ничем неоправданное «насилие», а с другой – как важный урок человечеству, позволивший понять «истинные ценности». В 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» можно было найти следующее утверждение: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти...; что одно время и благая воля законных Правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»⁴³. Следуя этой логике, автор приходил к выводу о том, что «если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны Революции»⁴⁴. Безусловно «полезными следствиями революции» было, во-первых, воздействие на «умы писателей», которые, зная о разрушительных последствиях революционных потрясений, стали «бояться оскорбить мораль», а, во-вторых, укрепление патерналистской модели взаимоотношений между государями и гражда-

⁴⁰ Яновский. 1806. С. 516.

⁴¹ Там же.

⁴² Чудинов. 2007. С. 13.

⁴³ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 314–315.

⁴⁴ Там же. С. 315.

нами. Последнее обстоятельство, по мысли автора, делало провозглашаемую революционерами цель установления «равенства состояний» лишённой всякого смысла, так как «государя, место сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы ни которое не было презрительным или угнетенным»⁴⁵. Таким образом, негативный пример французской революции должен был служить укреплению стремления и власти, и подданных к сохранению социального мира, уважению законов и соблюдению взаимных прав граждан.

Не менее важным и поучительным примером «революции» считалась история возникновения республики «Соединенных Американских областей». Война за независимость, формирование высших органов государственной власти на выборной основе, реализация принципа верховенства закона и разделения властей – все эти события отождествлялись с «революцией» и рассматривались как яркий пример её позитивного влияния на социально-политическое развитие молодого государства. В этой стране, в отличие от европейских государств, «революция» не привела к возникновению острых социальных конфликтов и «падению нравов». Однако при этом все российские авторы неизменно подчеркивали, что опыт «американской революции» следует рассматривать лишь как исключение из общего правила. Так, в одном из многочисленных свидетельств русских путешественников о пребывании в «республике Соединенных Американских Областей», сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»⁴⁶. В качестве такого рода «необыкновенных причин», чаще всего, называли географическое положение и общность интересов большинства переселенцев из Европы, считавших возможным на новом месте полностью реализовать свои желания и идеалы. Таким образом, в сознании образованного российского подданного сложилось представление о том, что конкретные проявления «революции» предопределялись множеством факторов, совокупность которых отражала особенности экономического и социально-политического развития страны. Логическим следствием подобного рода представлений было признание того, что в случае возникновения в России «революции» она не будет повторением ни одной из уже произошедших в мире «революций».

⁴⁵ Там же. С. 317.

⁴⁶ Взгляд на республику Соединенных Американских областей. С. 256–257.

Независимо от отношения к вопросу о необходимости «революции» в России, представители как консервативно, так и радикально настроенной части российского общества, считали, что росту революционных настроений могли способствовать несколько факторов.

Первый из них проявлялся в форме недовольства многочисленными злоупотреблениями местных властей. В 1809–1810 гг. И.В. Лопухин отмечал: «Злоупотребление власти, ненасытность страстей в управляющих, презрение к человечеству, угнетение народа – вот прямые и одни источники революции»⁴⁷. Декабрист А. Бестужев, объясняя причины возникновения в России тайных обществ, писал в начале 1826 г., что одной из целей их существования было предотвращение «кровавой революции», возникновение которой было возможно в связи с ростом недовольства народа местными чиновниками. В сложившихся условиях, по словам А. Бестужева, «...ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей произошедший, грозил кровавою революциею» и «...общества вознамерились отвратить меньшим злом большее, и начать свою деятельность...»⁴⁸. С этих позиций подчеркивалось, что деятельность тайных обществ была направлена на «*просвещение народа*» как средство предотвращения «революции».

Второй причиной, которая гипотетически могла бы подтолкнуть Россию к «революции», современники называли непродуманную налоговую и денежно-эмиссионную политику правительства. Косвенным подтверждением могут служить рассуждения Н. И. Тургенева в работе «Опыт теории налогов» и записка Н. С. Мордвинова «О новых налогах». Оба автора, анализируя сложившуюся в России экономическую ситуацию, напоминали, что одной из главных причин «кровавой революции» во Франции были ошибки королевской власти в финансовой сфере⁴⁹. Данное обстоятельство, по их мнению, должно было быть для российского правительства весомым аргументом против любых предложений о повышении налогов или выпуске новых ассигнаций.

В целом, во всех текстах российских авторов первой четверти XIX в. «революция» описывалась как ненормальное, чрезвычайное состояние общества, вызванное, как правило, неспособностью государства эффективно решать актуальные социально-экономические проблемы. Такая трактовка предполагала, что «революция» – это не самодостаточная цель, а всего лишь *средство* решения острых проблем чрезвычайными метода-

⁴⁷ Цит. по: *Стенник*. 1990. С. 73.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 64.

⁴⁹ См.: *Тургенев*. 1818. С. 30; *Мордвинов*. 1902. С. 558, 559.

ми, которые, по мнению большинства российских авторов, могли быть решены с помощью «благодетельных» реформ правительства.

Лишь отдельные представители радикальных тайных обществ, проецируя результаты «революций» в разных странах мира на отечественную реальность, считали, что только посредством такой чрезвычайной процедуры возможно «установление» необходимых для дальнейшего развития России законов и институтов. П. И. Пестель писал об итогах французской революции и необходимости «революции» в России: «...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»⁵⁰. С одной стороны, Пестель указывал, что «все восставали против революции», а с другой, – признавал её «полезность» в исторической перспективе. Подобная двойственность была характерной чертой мировоззрения многих декабристов, которые, анализируя опыт зарубежных революций, четко отделяли «преступления», совершенные наименее «просвещенными» участниками, от её «принципов и идеалов», основанных на справедливых требованиях верховенства закона, личной свободы и неприкосновенности собственности⁵¹. Именно поэтому, говоря о возможной перспективе совершения в России «революции», они, как правило, подчеркивали, что её сценарий должен был существенно отличаться от европейских аналогов.

Принципиально важной отличительной чертой российской «революции» должно было быть отсутствие массового кровопролития. Для этого, с позиции сторонников революционного варианта модернизации страны, её началу должен был предшествовать период формирования так называемого «общего мнения», предполагавший количественное увеличение членов «тайного союза» и, одновременно, распространение в образованных кругах российского общества идеи о необходимости проведения значительных преобразований. В идеале, все это привело бы к разделению в общественном сознании образа «кровавой французской революции» и разработанной в тайных обществах программы социально-политических преобразований. Следуя этой установке, Пестель

⁵⁰ Цит. по: Плимак, Хорос. 1989. С. 218.

⁵¹ Чудинов. 2007. С. 12.

считал возможным заменить понятие «революция» близкими по значению словами «превращение», «преобразование» или «переворот»⁵². Отчасти такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены»⁵³. Однако, если ранее это было продиктовано официальными установками цензуры, то в текстах, написанных членами тайных обществ, использование подобного рода синонимов, на мой взгляд, предпринималось в целях нейтрализации негативного контекста понятия «революция» и формирования положительного отношения современников к будущим политическим преобразованиям.

Не менее важное отличие предполагаемой российской «революции» от европейских, заключалось в том, что в процессе проведения кардинальных преобразований все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству. В такой трактовке «революция» не должна быть зависимым от изменений в настроениях толпы стихийным процессом. Утрата управляемости грозила, с точки зрения сторонников революции, массовыми беспорядками и повторением «ужасов французской революции». Именно поэтому в ходе «революции» предполагалось не полное разрушение прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми, что позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. При этом не исключалось, что к работе в новом правительстве могли быть привлечены известные своими либеральными взглядами и опытом управленческой работы представители прежней администрации⁵⁴. Таким образом, «революция» не предполагала разрушение государства, напротив, считалось, что для сближения идеала с реальностью необходимо сильное государство, способное сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона. Не желая повторения «ужасов французской революции», современники подчеркивали, что «просвещение» и «революция» являются не конечной целью, а всего лишь необходимыми инструментами достижения «общего блага». Содержательно, описываемая российскими авторами идеальная модель общественного устройства, предполагала юридическое закрепление прав граждан на сво-

⁵² См. подробнее: *Одесский*. 2008. С. 496–499.

⁵³ См.: *Плавинская*. С. 284; *Виноградов*. 1999. С. 449.

⁵⁴ См. подробнее: *Семенова*. 1982.

боду, собственность, личную безопасность, причем и в реформистской, и в революционной модели, достижение такого рода идеала представлялось возможным только при наличии сильного государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсеньев К.* Обзорение физического состояния России и выгод от того проистекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб.: тип. деп-та Народного просвещения, 1818.
- Архив Братьев Тургеневых. Т. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы. СПб., 1911.
- Архив Государственного Совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878.
- Балудянский М.* Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. II. Ч. II. 1808. С. 1–76.
- Бокова В. М.* «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 215–227.
- Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 253–270.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Секретный архив. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 229. Ед. хр. 58.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 48 – Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов. Оп. 1. Ед. хр. 10, 11.
- Герман К.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от Главного Правления училищ. СПб., 1809.
- Глас русского // Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 2. С. 43–46.
- Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
- Ермолов Г. П.* Глас Россиянина к единоземцам // Русский вестник. 1813. № 10.
- Ертов И. Д.* Картина Просвещения Россиян, пред началом девятого на десять века. Отрывки и смесь. СПб., 1799.
- Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
- Записка Д. П. Трошинского о министерствах // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 1–162.
- Извлечение из письма в Казань 29 октября 1823 года о празднестве по случаю освобождения короля Испанского // Отечественные Записки. 1823. Ч. XVI. № 43, ноябрь. С. 324–329.
- Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Ч. XXII. № 62. С. 333–371.

- Иступление французской политики в XIX веке // *Сын Отечества*. 1813. Ч. 8. № XXXIII. С. 33–40.
- История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
- Каразин В. Н.* Речь о пользе просвещения в домоводстве // *Вестник Европы*. 1811. Ч. LIX. № 20, окт. С. 259–290.
- Карамзин Н. М.* О верном способе иметь в России довольно учителей // *Вестник Европы*. 1803. Ч. VIII. № 8, апрель. С. 317–326.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор* / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России. XV–XX века*: Сб. научн. работ. СПб., 2006. С. 33–53.
- Козеллек Р.* Теория и метод определения исторического времени // *Логос: журнал по философии и прагматике культуры*. 2004. № 5(44). С. 97–130.
- Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века*: сб. научн. работ. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–32.
- Мордвинов Н. С.* Записка о новых налогах // *Архив графов Мордвиновых*. Т. 5. СПб., 1902. С. 551–573.
- О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле // *Сын Отечества*. 1813. Ч. 9. № XLV. С. 271–281.
- О народном благосостоянии от заграничной торговли, производимой природными жителями // *Архив литературы: из Духа журналов 1817 года*. СПб., 1817. С. 48.
- О новом образовании народного просвещения в России // *Вестник Европы*. 1803. Ч. VIII. № 5, март. С. 49–61.
- О политических обменах Франции // *Вестник Европы*. 1812. Ч. LXV. № 17, сент. С. 69–79.
- Об Англии и англичанах // *Сын Отечества*. 1817. Ч. 41. № XLIV. С. 238–243.
- Обозрение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года // *Сын Отечества*. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 101–117.
- Объявления от Людовика XVIII французам // *Вестник Европы*. 1805. Ч. XXVI. № 5, март. С. 3–21.
- Одесский М. П.* Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // *Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы* / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 494–502.
- Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // *Сын Отечества*. 1813. Ч. 10. № LI. С. 217–234.
- Плавинская Н. Ю.* Как переводили Монтескье в России? // *Европейское Просвещение и цивилизация России*. М.: Наука, 2004. С. 281–286.
- Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Великая Французская революция и революционная традиция в России // *Великая французская революция и Россия*. М.: Наука, 1989. С. 222–260.
- Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXI, 1811. № 24.821. С. 873–876.
- Положения и надежды Европы // *Сын Отечества*. 1813. Ч. 8. № XXXVII. С. 183–198.

- Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. III. № 12. С. 314–331.
- Размышление русского патриота о быстрых успехах французской системы // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 145–159.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1164. – Особый комитет председателей Государственного Совета. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI, XXIII.
- Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом в училище, состоящем при Евангельско-Лютеранской церкви Св. Анны // Сын Отечества. 1817. Ч. 39. № XXX. С. 122–141.
- Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № XL. С. 41–49.
- Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии сейма Царства Польского, в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве // Дух журналов. 1818. Ч. 27. Кн. 19. С. 559–564.
- Роцин Е. Н.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 43–58.
- Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- Система твердой земли или континентальная // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 220–223.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V: П–С. СПб., 1822.
- Стенник Ю. В.* Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л.: «Наука», 1990. С. 69–90.
- Тимофеев Д. В.* В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. (154) История. Вып. 32. С. 12–20.
- Тимофеев Д. В.* Система значений понятия «просвещение» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX века: опыт контекстуального анализа // Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825 / Ред. Е.Н. Марасинова. – Idyllwild: Charles Schlacks, 2010. Vol. 3–5. С. 21–48.
- Тургенев Н. И.* Опыт теории налогов. СПб.: тип. Н. Греча, 1818.
- Французская революция // Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № XXVII. Смес. С. 40–44.
- Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из Духа журналов 1819 года. СПб., 1819. С. 6–14.
- Чудинов В. А.* Французская революция: история и мифы. М.: «Наука», 2007.
- Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета; tdv@csu.ru